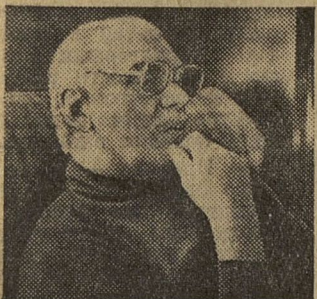

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

«ЮНОШЕ,

ОБДУМЫВАЮЩЕМУ

Сергей
МИХАЛКОВ

ЖИТЬЕ...

ДИАЛОГ

С. Михалков. Мы с вами, Михаил Иванович, члены одной академии, с той только разницей, что вы вице-президент и ученый, а меня избрали как писателя. Я пишу для детей. Книжки — это мои научные труды, если можно так выразиться. Но задачи-то у нас с вами общие: мы беспокоимся за судьбу подрастающего поколения... Вот объясните мне, пожалуйста, почему нас сегодня волнует проблема подростков? Ведь в целом-то молодежь, которая участвует в строительстве нового общества, в целом-то она у нас здоровая...

М. Кондаков. Сергей Владимирович, хочется, чтоб вся молодежь была здоровой, потому что здесь очень уж потеряли значительные — живые люди, наше будущее, дети. И некоторые явления, с которыми мы сталкиваемся, нас не могут не беспокоить. Отсюда — повышенный интерес к ним со стороны писателей, и комсомолом, и педагогами, и всей нашей общественности. Как вы знаете, воспитанию подростков партия придает первостепенное значение. «Грудный подросток» — здесь ведь что имеется в виду? Грубость, хамство, хулиганство, случаи пьянства, привождение порок к тяжким преступлениям, и прочее.

В процессе воспитания подростка особая роль принадлежит литературе, искусству. К слову, «ЛГ» сделала очень нужное дело, ведя почти на протяжении года дискуссии по этим проблемам — «Юноше, обдумывающему житье...». Там было сказано много верного.

С. Михалков. В материалах дискуссии правильно говорилось, что литература наша не имеет права обходить стороной неприглядное, умилять, осквернять, а она должна показывать все в истинном свете, глубоко анализируя суть явлений. Много ли у нас побед на этом пути? Если честно? Очень и очень мало. А как нужно об этом говорить, в первую очередь подростку? Причем нас — вот меня лично — интересует подросток от двенадцати, скажем, лет до того, как он получит паспорт. Этот возраст, мне кажется, является самым трудным для писателя.

М. Кондаков. Он труден и для педагога, и для родителя. Труден потому, что в этом возрасте идет процесс превращения ребенка во взрослого. Психологи справедливо определяют эти годы, как кризис отношений между подростками и взрослыми. Вчера еще послушный и вежливый, подросток вдруг становится резким и грубым, упрямым и непослушным. Именно в эти годы резко проявляется критическое отношение к взрослым...

С. Михалков. А это мне напоминает такую... не притчу, а в общем наблюдение. В 7 лет мальчик говорит: «Мой папа знает все». В 14: «Мой папа знает не все». В 21: «Мой отец ничего не знает». А в 35: «Как жаль, что нет отца, чтобы с ним посоветоваться»...

Вот хорошую книгу написал Владимир Амлинский «День и вечер». Этот писатель занимается разработкой нравственных проблем, причем много сталкивается с трудновоспитуемыми молодыми людьми — в колониях и т. д. Для нашего разговора важно, что у него в книге есть одна страница о могучей силе слова — художественного, любого. Словом можно убить, словом можно воскресить, словом можно

человека уничтожить, унижить, поднять...

М. Кондаков. Осчастливит...

С. Михалков. Словом. Это наше дело. Но это и ваше дело, дело педагогов. Я-то вообще считаю, что быть писателем для детей и быть педагогом — призвание. Это не профессия, это призвание. Здесь для меня много непонятного. Один все знает и никого ничему научить не может. А другой — замечательный педагог. И никто пока исчерпывающе не объяснил, почему книги одного писателя заучиваются наизусть всеми поколениями, а другого — стоят непрочитанными на полках детских библиотек. Почему? Какое сочетание слов творит это?.. Значит — что?

М. Кондаков. Да, призвание. С. Михалков. Вот пример: один мальчишка выключал свет в школе. Во время занятий. Учителя его поднаудил, и когда тот в очередной раз выключил свет, поймал, что называется, с поличным. Как вы думаете, что он сделал?.. «Два воль в мою пользу» — он сказал. И больше ничего не сказал. Все — мальчишка перестал выключать свет.

М. Кондаков. К тому же каждого из нас учат и учили много учителей. Вспомним Максима Горького, который своими учителями считал бабушку, повара Смурого, руководителя марксистских молодежных кружков в Казани, Калужного, Короленьку. У каждого из нас есть человек, встреча с которым оставила неизгладимый след в жизни.

С. Михалков. А что вот вы скажете, если я задам такой «щепетильный» вопрос: не получают ли у нас иной раз «ножницы» между воспитанием в семье и в школе? Не воспитываем ли мы, порой сами того не замечая, молодых людей с недостатками, которые называются лицемерием, стремлением к накопительству и так далее? Потому что в школе ему говорят одно, в книгах он читает то, что ему говорят в школе, а дома подросток иногда видит совсем другое.

М. Кондаков. Действительно, «щепетильный» вопрос...

С. Михалков. «Щепетильный»! Но что его должен решать? Вы и мы... Вот что мне рассказывал редактор «Пионера». В журнал пришло письмо от девушки, она писала примерно так: мне 17 лет, я комсомолка. Я всегда считала, что жизнь нужно прожить честно. После школы я пошла работать в торговую сеть и попала в коллектив, где слова «блат», «дефицит» и тому подобные — самые главные. Взрослые люди втянули меня в комбинации, из которых я не могу вырваться. Прощу вас, помогите! Посоветуйте, что мне делать?

Разве жизнь не ставит такие вопросы? Ставит. И надо решать их смело.

М. Кондаков. И прежде всего в книгах, адресованных и взрослым, и подросткам. Размышляя о специфике юношеской литературы, в ходе дискуссии «ЛГ» В. Коркин, на мой взгляд, правильно писал о необходимости изображения не только поступков, но и чувств, и мыслей героя.

Речь идет о том, чтобы, постигая правду жизни, писатель открывал ее вместе с героем и благодарил ему. Кстати, еще об одном обстоятельстве: помните, на съезде писателей Михаил Кузьмич Луконин

Михаил
КОНДАКОВ,
вице-президент Академии
педагогических наук СССР

на секции, которой вы руководили, говорил, что нет специфически юношеской литературы, что есть просто литература? И я вот тоже думаю, что любая хорошая книга становится предметом юношеского чтения. Правда? Ведь «Овод» не писался специально для юношества, «Дэвид Коперфильд» — тоже...

С. Михалков. И «Спартак»...

М. Кондаков. А стали любимыми книгами именно юношества. Верно?

С. Михалков. Но пока подросток станет юншей, нам нужно нравственно подготовить его к восприятию литературы.

М. Кондаков. И не только нравственно. Ученика нужно прежде всего научить читать. Это — аксиома. Читать бегло, выразительно, осмысленно. Верно?.. Почему? Потому что, если мы упустим постановку чтения в начальных классах, это будет жестоко мстить за себя на последующих ступенях обучения. Проверки показывают, что в отдельных школах по окончании третьего класса 2,6 процента школьников читают по слогам. Что это означает? Практически они просто не умеют читать. Они неграмотны. А сколько учащихся в этом возрасте по слогам читают трудные слова? И это в период, когда они уже начинают изучать литературу!

Речь, наверное, идет о том, что Белинский назвал воспитанием читательского таланта. Помните? Пушкина считали не только гениальным писателем, но и гениальным читателем. И Белинский говорил, что читательский талант нужно воспитывать. А в одном из писем Гете, будучи уже восьмидесятилетним, с радостью писал о том, что наконец-то он научился читать.

Недавно Ленинская библиотека провела интересное социологическое исследование «Книга и чтение в жизни небольших городов». Были тщательно изучены читательские интересы /города Острожского Воронежской области. Оказалось, по наблюдениям авторов, только 8 процентов школьников выбирают книгу по совету учителей, 92 процента читают по совету товарища, соседа, приятеля, родителей и т. д. Каковы цифры, а? Они говорят о том, что школа по настоящему чтением не управляет.

С. Михалков. Мы не можем сегодня предъявлять государству претензии, что книг издается мало: тиражи год от года растут. И все-таки... Не проходят ли книги мимо читателя? Это ведь может быть прологом к трагедии...

М. Кондаков. Как минимум — к духовному одиночеству. К жизни, лишённой нравственного и эмоционального опыта человечества, заключенного в книге. Как это возможно?.. Вот Дмитрий Борисович Кабалевский, который сейчас возглавляет эксперимент по музыке в ряде школ страны, одну из главных задач видит в том, чтобы влюбить детей в музыку, связать их жизнь с музыкой, а музыку — с жизнью.

С. Михалков. То же самое относится и к литературе.

М. Кондаков. Вот здесь и встает вопрос о том, как литература преподается в школе.

С. Михалков. Мне один школьник сказал: «Я возненавидел «Евгения Онегина»... Понимаете? Когда он должен был сказать: «Я влюбился...» Я спросил: «А почему?» Оказалось, ему задавали десятки вопросов, которые можно было не задавать.

М. Кондаков. То же са-

мое вспоминал не так давно и Юрий Бондарев.

С. Михалков. Вообще, «проходя» в школе классиков, их так — по совету методистов наших — препарируют на всякие соци-

альные и прочие схемы, что у ребенка пропадает охота читать произведение и интересоваться писателем.

М. Кондаков. Я вспомнил миниатюру словацкого писателя Милоша Крно. Как-то мальчику подарили большую лупу, и он решил лучше рассмотреть розу. Сорвал лепестки, разрезал их, положил под увеличительное стекло. И увидел, что роза утратила смысл, красоту и аромат. Наверное, когда вот так препарируют произведения, они тоже теряют смысл, красоту и аромат.

С. Михалков. Это требует ведь, между прочим, Михаил Иванович, совершенно особых мер. Я думаю, что должны быть созданы книги детского чтения. Создавать, может быть, не прозаиками и не поэтами, а нашими критиками.

М. Кондаков. Нужны и книги о мастерстве читателя. Опыт их создания есть у меня в виду «В глубине строки» А. Запорова. Отличная книга.

С. Михалков. Что же касается пособий по преподаванию детской литературы в школе, то читая их, нередко видишь: написаны они людьми отставшими. От литературы, от времени. И воспринимающими ее, как тот мальчик — розу.

В некоторых книгах авторы остановились на 50-х годах. А наша детская литература семимильными шагами ушла вперед. Семимильными! И поэтому надо подумать о новых, революционных формах общения читателя с книгой.

Мне рассказывали про такой эксперимент: ребята целого села принесли в школу книги. Свои. Все книги. И составили общую библиотеку. Свободный обмен книжками организовали сельские ребята. А что делают взрослые? Вы посмотрите, что происходит — давайте уж говорить прямо: создаются большие частные библиотеки, и «собирают» частному не дают прочитать ни одной книги. Я против этого. Я — против! Нередко даже книги являются, так сказать, частью интереса к литературе. Вот против чего я протестую. Мне однажды попалась на глаза такая надпись на книжном шкафу: «Не шарь по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом...»

М. Кондаков. «...Тот безнадёжный идиот, кто книги на дом выдает!» — две последние строки. Я тоже эту надпись видел.

С. Михалков. Ну разве я не прав?

М. Кондаков. Правы. С. Михалков. Надо, вторяю, искать новые формы. Не только выдумывать их — просто оглянуться вокруг и заметить, что уже создано.

Вот, например, существует библиотека «Дяди Степы». Это не моя заслуга: ее создали общественники. Узнав об этом, я стал о ней заботиться. Я начал посылать им сначала свои книги, потом — подаренные мне писателями, с автографами. Прочитав такую книгу, я не ставлю ее на полку, а посылаю в библиотеку, и ее могут прочитать все дети — и взрослые — в Приокском районе города Горького. Я считаю, что поступаю правильно: книга не осталась у меня — она пошла по рукам.

Сейчас мне хочется сделать то же самое в Пятигорске, в школе, где я учился. Школа меня ободрила и поддерживала. Она меня сделала писателем. Еще мальчиком, в 1928 году, я впервые стал печататься во взрослых газетах — в «Терек», например. Школа дала мне путевку в жизнь. И я подумал: «Как же мне не создать в родной школе такую же библиотеку, какая создана по инициативе энтузиастов в Горьком?»

Я вообще считаю, что каждый писатель должен взять шефство хотя бы над одной школьной библиотекой. Хотя бы. Только очень ценные или нужные для работы книжки должны оставаться дома. Нельзя накапывать книги, которые могут принести пользу еще сотням и сотням детей.

Но это не все. Разве по телевизору нельзя читать книги? Разве лучшие книги для подростков — лучшие! — не могли бы быть прочитаны лучшими актерами? Прочитаны — с про-

должением? Тогда книга дошла бы до дальнего села, до дальнего аула.

М. Кондаков. Телевидение, правда, в этом отношении кое-что уже делает — я видел выступления с чтением стихов и прозы самых выдающихся артистов...

С. Михалков. Делает. Но нужно больше. И есть еще одно, в чем я глубоко уверен: нужно издавать «Роман-газету» для подростков. Почему мы с вами до сих пор не можем «пробить» этот вопрос?

М. Кондаков. Тут хорошо еще, что такое издание пойдет по подписке, то есть каждый получит его обязательно.

С. Михалков. Кстати, о подписке. Издательство «Детская литература» сделало сейчас большое дело, предприняв пятидесятилетнее издание «Всемирной детской литературы». Оно далеко не обмелет все то великолепное, что создано, — тут нужно было бы вынуть сто томов минимум; да и тираж четыреста тысяч — действительно капля в море. Но все же это большой вклад в нашу культуру. Хотя половина тиража идет в детские библиотеки, а вы отдали весь тираж только им...

М. Кондаков. И прежде всего — в школьные...

С. Михалков. ...потому, что это ведь подписное издание, значит, кто подписался...

М. Кондаков. ...тот и получит...

С. Михалков. ...тот и хозяин. А всегда ли даст он хоть один том из пятидесяти прочитав соседскому мальчику? Вряд ли.

М. Кондаков. Так книга изымается из обращения и становится мертвым капиталом...

С. Михалков. Мертвым, но капиталом, поскольку, мы знаем, есть и такой взгляд на частные библиотеки. Я хочу повторить: в нынешнем книжном дефиците нельзя винить, как это делают несведущие люди, Госкомиздат и другие организации — нам понятна вся сложность проблемы. Но мы обязаны думать, как лучше распорядиться богатством, какое имеем.

М. Кондаков. Но мы, кажется, увлеклись этой стороной дела, забыв о главной теме дискуссии «ЛГ» — как же надо писать для подростка?

С. Михалков. А очень просто: так, чтобы он читал то, что ему адресовано. Книга должна говорить о том, что подростка волнует или уже начинает волновать. Скажем, что такое настоящая дружба? Если друг совершил проступок, надо ли его покрывать, дружба ли это? Или — отношение к несправедливости...

М. Кондаков. Разговор о чувстве собственного достоинства...

С. Михалков. ...которое унижается порой родителями и некоторыми неумными педагогами. О патристизме, о чести. О лицемерии, с которым он сталкивается в жизни, прекрасно понимая в свои двенадцать-тринадцать лет, о чем идет речь. Неустрашенность в семье, распри между родителями, ссоры, разводы — это все темы, которые нельзя обходить, потому что ребенок растет у нас не под стеклянным колпаком.

И нельзя воспринимать книги, так сказать, «в лоб»: они могут иметь воспитательный эффект, даже если написаны о вещах, на первый взгляд, непосредственно не связанных с ребенком. Вот для примера: такая книга, какую написал Гавриил Тропольский — «Белый Бим Черное ухо», — имеет большое воспитательное значение, не меньше, чем «Каштанка» или «Муму». Хотя некоторые не хотят этого понимать. «О чем он написал? Ну, о собаке...» Да не о собаке писал Тропольский — о человеке!

Если подросток не получает ответа на тревожащие его вопросы, он закрывает книжку, он уходит из театра или кино неудовлетворенным. Если мы будем ему говорить только, что все хорошо, что все семьи прекрасные, он не поверит, потому что в жизни сталкивается нередко с противоположным.

Сколько буквально героических подвигов совершают сами ребята — охраняют общественное добро, выносят детей из горящих домов, спасают тонущих, помогают старикам. И не по принуждению, а по порыву души. И эти порывы нужно поддерживать — о них тоже должны говорить литература и искусство.

М. Кондаков. Еще проблема — положительный герой. Об этом тоже много писалось в ходе дискуссии. Простому говоря, нужен ли «объект для подражания»? Нужен ли герой типа Сани Григорьева и других?

С. Михалков. Главным положительным героем дол-

жен быть автор произведения. В первую очередь. Чтобы, закрыв книжку, читатель не зачеркнул его в своей памяти. Но если автору удастся еще убедительно и вдохновенно показать литературного героя, то честь ему и хвала. Бель и Овод, и Спартак нарисованы так, что им хочется подражать.

М. Кондаков. Тут еще одна мысль возникает: все согласны, что детей надо воспитывать на хороших примерах. А на отрицательных?

С. Михалков. Обязательно!

М. Кондаков. Потому что иногда говорят так: «Детской литературе не нужен отрицательный герой». Помоему, неверно. Один пример: герой повести «Трудный Роман» Г. Мариника — действительно «трудный» парень. Но ведь именно драматизм «трудной» судьбы привлекает читателя, судя по заинтересованному обсуждению книги в школах.

С. Михалков. Иногда нам говорят: «Что вы сделали! Вы же показали плохую маму!» А разве нет плохих мам? А разве ребенок не замечает недостатков своей мамы? «Все мамы хорошие!» Неправда! Зачем лицемерить? Не все мамы хорошие. Ребенок — особенно подросток — видит все слабые стороны отца, матери, учителя.

Потому он замечает и несправедливость по отношению к нему самому, и несправедливость по отношению к обществу, то есть воровство, лихоимство, взяточничество и т. д. Одни смиряются, другие мучаются. И ищут выхода. Они обращаются к писателю, в редакции — вот как та девушка, которая написала в «Пионер». Поэтому я и говорю: не нужно бояться остроты вопросов.

М. Кондаков. Этого нельзя бояться ни в литературе, ни в школьной жизни. Говоря о школьной жизни, я имею в виду прежде всего воспитательную работу — общение учителя как носителя наших идеалов с ребятами. Если он боится остроты вопросов, если ухаживает от них, то наносит большой урон делу воспитания, да и личный свой авторитет подрывает.

С. Михалков. Но я хотел бы вернуться к разговору об отрицательном герое — вы меня задела «за живое». Дело в том, что многие взрослые эстетически воспитаны, к сожалению, неправильно, неверно понимают задачи сатиры, порой забывали, что сатира давно уже взята на вооружение партии. Потому что способность смеяться над своими недостатками — признак силы, а мы слабы. До сих пор, например, подходит к оценке произведений так: «Сколько у вас в пьесе, в сценарии, в книжке отрицательных персонажей, сколько положительных?» Они забывают, что, если произведение работает на идею, несет в себе заряд оптимизма, все герои могут быть отрицательными — положительным должен быть вывод. Положительное начало несет зрительный зал, который, как говорил один из наших классиков, опущает свое превосходство над теми, кого высмеивают на сцене.

Я еще хочу сказать, что очень важно с детства воспитывать чувство юмора, чувство иронии. Пусть научатся смеяться сами над собой. Они ведь прекрасно знают свои недостатки. Прекрасно. Вы понимаете, тут очень важен подход, психологическая установка, что ли, «на юмор». Я, например, по себе знаю: в детстве я очень сильно занкался, но никто надо мной не смеялся, никто никогда меня не дразил, потому что я сам над собой смеялся.

М. Кондаков. Еще одна проблема возникает в связи с этим — дидактизм. Спорт по этому поводу Маркуша утверждал, что подростки не только принимают поучения, но настоятельно требуют новых.

С. А. Маршак в свое время называл эти прямо выраженные поучения дидактическими гвоздями, от которых сохнут книги для детей. Я лично считаю, что дидактизм — не «любимый», не навязчивый — должен быть в детской и юношеской литературе. То есть тот самый дидактизм, который образно можно назвать поэзией педагогики. Вспомним, кстати, что одна из основополагающих книг по педагогике называется «Великая дидактика».

С. Михалков. Я давно говорил — и даже написал свою книжку «Праздник непослушания» — как раз о том, что воспитывать надо так, чтобы воспитуемый не чувствовал...

М. Кондаков. ...«любимых» ударов этих...

С. Михалков. ...что его воспитывают! У него должны складываться впечатления, что он воспитывается сам. Что сам доходит до тех истин, которые ему хотят втолковать. Если толь-

ко он начинает чувствовать, что его учат, ему становится неприятно — это в натуре любого человека. Никто не любит поучений. Просток любит доходить до всего сама, и он сам все поймет, если найти дорогу к его душе, к его сознанию.

М. Кондаков. Не надо забывать, что у юношеской литературы есть своя классика, на которой выросло уже несколько поколений советских людей — и еще много поколений будет на ней воспитано. До сих пор с неослабевающим интересом читаются «Гиперболоид инженера Гарина» и «Аэлита» А. Толстого, книги А. Гайдара, В. Катаева, Л. Кассиля, А. Алексина, А. Рыбакова, Н. Носова, Н. Дубова. С волнением принимаются романы и повести М. Прилежаевой, А. Кузнецовой, С. Алексеева, В. Амлинского, С. Баруздина, А. Лиханова, Ф. Искандера, В. Крапивина...

С. Михалков. И «Дикая собака Динго» Р. Фаермана продолжает жить. Вот он умен писать для подростков о любви так, как это должен делать детский писатель. Но я хочу добавить и другое.

Понимаете, литература наша очень выросла. И если мы сравним произведения иных писателей 20—30-х годов и нынешних, то увидим, что, честно говоря, старые писатели, раньше казавшиеся нам большими мастерами, уступают в мастерстве многим современным. Больше того, если обратить внимание на молодую прозу, которая растет на широких просторах России — в Вологде, в Воронеже, в Курске, в Иркутске. — то мы должны будем признать: произведения писателей, живущих в этих областях, поднимаются до очень высокой русской прозы. И, пожалуй, по языку, чувству слова, психологизму их придется поставить выше многих писателей с большими именами.

М. Кондаков. В ряду тех проблем, о которых мы говорили, стоит и еще одна очень важная: значение школы и литературы в формировании жизненной цели подростка. Ведь их роль здесь огромна, верно, Сергей Владимирович?

С. Михалков. Нет-нет, скажите вы, мне интересна была точка зрения, Михаила Ивановича...

М. Кондаков. Практика показывает, что лучшие учителя не «подставляют» цель, дуть ли не за ворот подкашивая ученика к ней, а мастерами помогают ему самому ее определить. В огромном разнообразии поисков, проб и увлечений учащих педагогов с большим тактом и зоркостью помогают ребятам наизыскать на их жизнь и очень подвижные интересы все то, что связано с целью, которая уже определилась или еще только формируется. Школа показывает ученику не только то, что он должен делать, но и что нужно преодолеть, от чего следует отказаться на пути к поставленной цели. И здесь огромное значение имеет также литература. Не случайно мы с особенной благодарностью вспоминаем тех, кто приохотил нас к чтению, сформировал читательские интересы. Заставил книги работать на себя — прямой долг не только словесника, но и каждого учителя, потому что книги часто оказывают решающее влияние на формирование личности и жизненной позиции человека...

С. Михалков. Но влияние я вижу не в том, что прочел кто-то книжку про адвоката и решил стать адвокатом...

М. Кондаков. Нет-нет, не в подражании только делу...

С. Михалков. А в становлении мировоззрения?

М. Кондаков. Да. Здесь влияние более тонкое — в смысле формирования характера, поиска своего призвания, активного отношения к самой жизни и т. д.

С. Михалков. Не обязательно, чтобы Чехов или Тургенев подсказали профессию. Главное, чтобы они сформировали нравственный облик человека. Он может стать математиком — и безумно любить музыку. Классическую. И понимать ее. Вот как Герой Советского Союза Михаил Михайлович Громов: он ведь не музыкант, он летчик, одна из крупнейших фигур в истории отечественной авиации. Но послушайте, как он говорит о музыке! Послушайте, что он говорит! Литература и искусство воспитали его, как человека...

О проблемах, о которых мы сегодня с вами беседовали, Михаил Иванович, очень скоро — в развитие решений XXV съезда партии — состоится большой разговор на предстоящем в июне пленуме правительства Союза писателей СССР, он посвящен теме «Подросток: проблемы жизни и литературы». Главным докладчиком утвержден как раз я. Так что, как говорится, продолжение следует...

Затем диалог и фото
Григория ЦИТРИНЯКА